

Дмитрий Громов

ПУТЬ ПРОКЛЯТЫХ

МОСКВА
T8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г87

Громов, Д.

Г87 Путь проклятых / Дмитрий Громов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 492 с.

ISBN 978-5-521-90468-6

Жестокие и обаятельные исчадия ночи, вампиры Влад и Эльвира — охотники за людьми. Но вот ситуация резко меняется, и начинается охота на самих вампиров. Насколько же реален мир, где по их следу идет Бессмертный Монах? Что находится за гранью? Вожделенная свобода? Сумеют ли герои ею воспользоваться?

Иные планеты, далекое будущее, корабли, движимые силой мысли и силой любви. Артефакты внеземных цивилизаций, загадочные убийства на лунной станции — и пришельцы из Космоса, навстречу которым встает последний Воин Земли... Знакомая реальность трещит по швам, раздираемая когтями реликтового монстра; не в силах сдержать слез потерявший возлюбленную тигр-оборотень; и шепчет внутри головы, подсказывая единственно правильное решение, неведомый голос...

Книгу составили заглавная повесть и рассказы Дмитрия Громова.

BIC FL
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90468-6

© Дмитрий Громов, 2020
© Генри Лайон Олди, 2020
© Студия Twenty Twos, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ДМИТРИЙ ГРОМОВ

ПУТЬ ПРОКЛЯТЫХ

(АПОЛОГИЯ НЕКРОРОМАНТИЗМА)

История этой повести началась в далеком 1991-м году, когда мы с Олегом засели писать «Живущего в последний раз». И даже написали примерно треть (если не половину!) этого небольшого романа (или повести?) — когда появилось множество новых идей, возник мир Десятикратно Живущих — и в итоге от первоначального варианта «Живущего...» в окончательной редакции осталась одна-единственная страница. Один Лист. Впоследствии рукописный черновик первой версии был утерян — но осталось некое ощущение, трудно выражимое словами. Видимо, это ощущение и не давало мне покоя все прошедшие годы. В голове бродили смутные образы, ночами приходили странные сны... На эти образы и сны постепенно наслаивались: непонятно чем потрясшая репродукция в журнале, случайно услышанный на улице обрывок стихотворения, музыка... Черно-багровые тона, желтый глаз Луны в небе... И наконец, в 1996-ом году, текст властно запросился на бумагу.

Писалась повесть трудно. Несколько лет. Не раз переставалась, выбрасывались целые абзацы и эпизоды, возникали новые, вдруг проступали неожиданные для меня самого грани и ракурсы. Романтизм, лирика, ирония, трагедия и мистический боевик шли рука об руку,

время от времени косясь на меня через плечо. Впервые я писал под музыку — раньше это мне никогда не удавалось. Садился по вечерам за компьютер, ставил на «бесконечный повтор» «Unforgiven» и «Nothing Else Matters» «Металлики»...

И только через четыре года я наконец поставил последнюю точку в «Пути проклятых». Очень надеюсь, что мне все же удалось передать то ощущение, которое двигало мной.

Впрочем, судить тебе, читатель.

Дмитрий Громов, 2000 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
Лицам с неустойчивой психикой,
склонным к суициду, читать эту
повесть не рекомендуется.

...Когда я очнулся, было два часа ночи. Я лежал на диване в крайне неудобной позе; шея затекла и болела. Голова немного кружилась, и во всем теле была ленивая гулкая слабость, как после высокой температуры. И это еще называется «с меньшей затратой энергии»! Экстрасенс чертов, знахарь доморощенный!..

Я с усилием сел. Генриха Константиновича в комнате не было, а на столе у дивана лежала записка, в отличие от меня, устроившаяся вполне комфортабельно и явно гордящаяся аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

«Молодой человек, после сеанса вы сообразовали уснуть, и я не стал вмешиваться в ваши отношения с Морфеем. Дверь я запер, спите спокойно, дорогой товарищ. После сеанса вы можете себя неважно чувствовать — поначалу такое бывает, потом организм адаптируется и привыкнет. Зайду завтра вечером, если вы захотите — проведем еще один сеанс.

Ваш Г. К.»

Ночь я проспал, как убитый — и наутро самочувствие действительно улучшилось. Я пошел бриться, проклиная свою нежную, как у мамы, кожу — стоит на тренировке почесать вспотевшее тело, как потом три дня все интересуются девочкой с кошачьим характером или наоборот. Вот и сейчас,

вся шея исцарапана, и воистину «мучение адово», да еще «Спутником» недельной давности!..

На работе все время клонило в сон, и я чуть не перепутал кассеты во время выдачи, но вовремя заметил. Раньше со мной такого не случалось. Надо будет сегодня воздержаться от сеанса. Хотя в этих «выходах в астрал» есть нечто такое... притягательное, что ли? Как наркотик. Попробовал — и тянет продолжать. Ладно, посмотрим...

15 мая. Только что звонил Серый. Нашу бывшую одноклассницу Таню Пилипчук нашли мертвой возле дома. Как раз после того дня рождения. Говорят, сердечный приступ. Это в двадцать семь лет... А у нее дочка, муж-кандидат... Надо будет на похороны съездить, неудобно. Куплю гвоздик каких и...

*Генри Лайон Олди:
«Живущий в последний раз»,
Лист Девятый.*

Для наиболее адекватного восприятия этой повести следует перед началом или во время чтения несколько раз прослушать композиции «*The Unforgiven*» и «*Nothing Else Matters*» группы «*Metallica*» из «черного» альбома 1991 г. Если же у Вас имеется CD-проигрыватель, то вставьте в него соответствующий компакт-диск и в режиме программирования задайте максимально возможное количество повторов вышеуказанных композиций. После чего включите Ваш *CD-player* в режим воспроизведения — и наслаждайтесь повестью и музыкой: они отлично дополняют друг друга, создав неповторимое ощущение мрачной романтики СМЕРТИ!

Да, и не ищите тут положительных героев. Их здесь нет.

Что-то не так — но выключи свет,
 Пусть темные мысли приходят к тебе;
 Нет, они отнюдь не белы, как снег:
 Сны о лгунах, сны о войне,
 Сны о драконьем огне,
 И о тех тварях, что норовят
 Тебя укусить во сне!..

«Metallica», 1991.

...Тебе знакомо это ощущение: ты просыпаешься среди ночи в холодной испарине, сердце бешено колотится, норовя выскочить из тяжело вздымающейся груди; слава Богу, это был сон, только сон! Ночной кошмар... Знакомо? Ну конечно, знакомо. Кошмар постепенно тает, исходя зыбкой дымкой нереальности; запредельный, туманящий сознание ужас отступает, оставляя лишь некое «послечувствие» — неожиданно щемящую грусть непонятной утраты. Да, ты успел проснуться на самом пороге Небытия, успел вырваться из реальности сна в реальность скрипучей кровати и смятых простыней — но все же одним глазом ты заглянул в Бездну! В ту жуткую и завораживающую Бездну, которая теперь так притягивает тебя.

В Бездну, имя которой — Смерть.

Нечто темное, подспудное, что таится в самом дальнем закоулке твоего подсознания, в глубине твоего сердца — некий «черный огонь» внутри тебя будет теперь вечно стремиться к той последней грани, из-за которой нет возврата; и всякий раз ты будешь замирать на самом краю, испытывая гибельный восторг в предчувствии неизбежного.

Но ты не сделаешь этого, последнего шага.

Твое время еще не пришло. Оно придет, рано или поздно, но, право, не стоит его торопить. Жизнь — все-та-

*ки чертовски интересная штука, чтобы до срока рас-
ставаться с ней.*

И все же...

Почему нам так хочется заглянуть туда, за грань?

Узнать, что там, по другую сторону Смерти?..

ПРОЛОГ

Лунный свет твой сон в земле нарушит,
Полночь бросит колдовской металл.
Пес завоюет по усопшим душам,
Рухнет вниз могильная плита!

Группа «Ария», «Зомби».

...Дверца сейфа заскрипела так, словно специально задалась целью поднять на ноги даже мертвых: ржавчина зубов крошится о сиреневое стекло, вот-вот готовое пойти изломами трещин. Ну и ладно, мертвые нам не помеха, а живые, авось, не услышат.

Оба пистолета были на месте, завернутые в заскорузлые от засохшего за эти годы масла тряпки. Главное — не перепутать: «парабеллум» — с обычными пулями, а вот в «ТТ» — аргентум. Кажется, так. На всякий случай проверил. Нет, не забыл, все верно. Теперь — запасные обоймы: четыре к «парабеллуму», две к «ТТ». Все, что есть.

Серая паутинка шороха.

Там, на лестнице, ведущей в подвал.

«Если это Бессмертный Монах — то прямо сейчас и проверим, насколько он бессмертный!» — зловеще усмехнулся я, передергивая затворы на обоих пистолетах.

Я бодрился через силу. На самом деле я чувствовал себя загнанной в угол крысой. До сих пор никто так и не смог справиться с Бессмертным Монахом. А он год за годом, век за веком продолжал планомерно истреблять нас.

Нас, вампиров.

В пыльном проеме мелькнула невысокая угловатая фигура (сплох робкой зелени) — и я расслабился. Если бы я был человеком, я бы вытер пот со лба. И я действительно, спрятав пистолеты, провел по лбу тыльной стороной ладони. Вот только кожа осталась сухой: мертвые не потеют. За двадцать три года я хорошо усвоил эту истину — но привычка все равно осталась.

Ну и черт с ней, с привычкой.

Привлеченный сейфовым скрипом мальчишка испуганно озирался, и я подумал, что минуту назад сам выглядел точно так же. Только он ничего не видел в темноте, а я — видел.

— Кто тут? — испуганно выдавил паренек и на всякий случай вытащил из кармана нож-«выкидушку».

Я рассмеялся.

— Хреновый у тебя ножик, парень. Китайская штамповка. Спрячь лучше, не позорься.

Как и следовало ожидать, парнишка сделал все точь-в-точь наоборот: поспешно выщелкнул лезвие и замахал своим ножиком влево-вправо.

— Не подходи! — взвизгнул он.

— Фильмов насмотрелся, — констатировал я и потянулся к выключателю. — Ну куда ты машешь, я же здесь!

И вышел из темноты во вспыхнувший тусклый круг света от пыльной лампочки, чтобы он мог меня увидеть.

Увидел.

Попятился, выставив нож перед собой.

— Ну, и что дальше? — поинтересовался я.

— Вы... ты чего тут делаешь?

— А ты?

— Это наш подвал!

— Это ты так думаешь, — опроверг я его притязания.

— Вот я сейчас ребят позову... — неуверенно протянул он.

— Ребят — это хорошо, — одобрил я. — А то тебя одного мне, пожалуй, маловато будет. Я сегодня голодный.